

Д. С. Гордашникова

Тверской государственный университет, аспирант

Научный руководитель: д.ф.н. Н.Ф. Крюкова

ПЕРЕВОД КАК ВИД ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. Развитие теории перевода.

В течение последних лет теория перевода претерпела значительные изменения в связи с переходом интереса ученых от описания языковых различий к социальной роли перевода. Так, по мнению Комиссарова, Дж. Кэтфорд определял перевод как «замену текстового материала на исходном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на языке перевода ПЯ» [Комиссаров 1999: 28] (Translation is an operation performed on languages: a process of substituting a text in one language for a text in another [Catford 1965: 1]), то есть как процесс межъязыковой коммуникации с переключением с одной системы кодов на другую. Появившаяся приблизительно в то же время контрастивная (сопоставительная) лингвистика сопоставляла и изучала языки для выявления их общих и различающих черт на всех уровнях.

Позже ученые сфокусировали свое внимание на прагматике текста, так как стал очевидным факт, что текст не только представляет собой набор семиотических знаков, но также содержит множество неязыковых аспектов, в том числе интенции автора. Лингвистов заинтересовали результаты таких переводов на целевой язык, что отразилось в изучении использования различных переводческих приемов, где, по мнению R.Stolze, главным стал эмпирический анализ произведения [Stolze 2010: 60].

Очевидно, что перевод становится чем-то более чем просто лингвистическим переносом информации из одного языка в другой, что обуславливает появление определенных критериев адекватности формулировок и, в свою очередь, возникновения вопроса о назначении перевода. Теория скопоса придерживается идеи, что перевод представляет собой целенаправленную деятельность, где следует учитывать, в первую очередь, функцию целевого текста – другими словами, для кого и для какой цели производится перевод. Перевод должен соответствовать реципиенту и предусмотренной функции, и эта взаимосвязанность гораздо важнее, чем любое сходство с текстом-источником [Vermeer 2000: 224]. Функционализм стал важным переходом от лингвистической эквивалентности к функциональной целесообразности. С того момента перевод рассматривается в первую очередь как процесс межкультурной коммуникации, конечным продуктом которого является текст, способный надлежащим образом функционировать в конкретном контексте для решения целевой задачи [Schaffner 1998: 3].

Тем временем становится очевидным, что перевод как вид человеческой деятельности играет важнейшую роль в коммуникации, что определяется не только межъязыковыми факторами. Переводчик перефразирует смыслы, воспринимаемые из оригинального текста. Однако проблема восприятия текста не рассматривается теорией скопоса – его воспринимают как факт. «A translation is adequate, when it functions» [Hönig 1995: 74]. Такое определение носит крайне неконкретный характер для теории перевода, что объясняет обращение ученых к герменевтике.

2. Герменевтика как переводческая парадигма.

Возникнув в Средние века как средство толкования христианских текстов и догм (или, вероятно, еще раньше для трактования жрецами знаков богов), герменевтика ставила вопросы о том, каким правилам следует придерживаться, чтобы религиозный текст был одинаково понят разными читателями, ведь им регулировалась жизнь людей и различий в толкованиях быть не должно. Интересен тот факт, что «...весь истолковательный базис... исходил из того, что каждому аллегорически выраженному знаку или символу предписывался строго определенный смысл скорее нравственно-религиозного, чем текстуального значения» [Шульга 2002: 12]. Именно поэтому католическая церковь не поддержала Мартина Лютера, считавшего, что верующие могут сами заново открывать свою веру путем чтения Библии, ведь она слишком сложна для самостоятельной интерпретации без помощи церкви.

Основа герменевтики как науки была заложена немецким философом и теологом Ф. Шлейермахером, считавшим ее «искусством понимания» и сделав искусство интерпретации текстов центром гуманитарных интересов. Позже, во второй половине XIX века, В. Дильтей выделил в качестве предметной области своих интересов человеческую действительность, которая, по его мнению, подвергается не только интерпретации, но и пониманию, в результате чего именно проблема понимания становится главным направлением научных изысканий философской герменевтики. Философская герменевтика XX века (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер) считала центром своих интересов не проблемы истолкования, а экзистенциальное понимание [Шульга 2002: 13].

Существует множество других трактовок понятия герменевтика. Например, R. Stolze, продолжая идеи Peter J. Brenner, считает, что герменевтика – это процесс исследования возможности понимания инаковости («Hermeneutics is exploring the possibility of understanding otherness» [Stolze 2011: 45]). Очевидно, под «инаковостью» автор понимает культурные и не только различия авторов и читателей текстов-источников и текстов-переводов, что находит отражение в существующих на сегодняшний день подходах к пониманию сущности перевода.

Одна из самых известных переводческих концепций, сформулированная еще Ф. Шлейермахером, предлагает простой выбор:

перевод должен продвигать или читателя навстречу писателю, или писателя – читателю. С. Басснетт, изучая процесс перевода сквозь время (translating across time), продолжает его традицию двойственной роли переводчика, добавляя, что перевод должен принимать во внимание связь между текстом, созданным в один момент времени, и его передачу новым читателям другого периода. Она привлекает наше внимание к очевидному факту, что переводчик всегда переводит для сегодняшнего дня – как следствие, переводчику, вероятно, необходимо принять во внимание результаты перевода предыдущих коллег, ведь чем старше источник перевода, тем выше риск того, что их язык устарел или они его неправильно истолковали [Bassnett 2002: 84].

С позицией приближения читателя к тексту или текста к читателю не согласна R. Stolze: «Translators... are not navigating one sea of words, they rather look at the message» [Stolze 2011: 47]. По ее мнению, переводчик, читая текст, понимает его идею и затем представляет эту идею средствами другого языка, чтобы другие также могли ее принять и, возможно, даже интерпретировать в своих собственных интересах. Следовательно, в таком случае «the translation is neither an inter-lingual transfer nor a linguistic deduction from the source text» [Stolze 2011: 48], а проблема понимания текста лежит не столько в разборе структур текста-источника, сколько в глубине знаний переводчика о культуре, которой принадлежит этот текст. В результате такого подхода R. Stolze предлагает заменить традиционную схему анализа переводимого текста – «words – in text – as a genre – in a situation – in a culture» – на противоположную: «cultures – in a discourse field – as texts – with words – carrying sense» [там же], так как переводчик не анализирует объекты лингвистики, а сталкивается с другой культурой. Обе культуры – дающая и принимающая – находятся в постоянном контакте с переводчиком, и он находится не между ними, а участвует в них обеих.

Того же мнения придерживаются и многие отечественные ученые-герменевты: так, Е. Шульга считает, что в языке существуют фразы, смысл которых не следует воспринимать дословно – наоборот, они могут быть верно истолкованы только тогда, когда осознание ситуации шире смысла, заложенного в словах, составляющих эту фразу [Шульга 2002: 5].

Основная идея R. Stolze заключается в том, что герменевтическая интерпретация – это только первый этап перевода, на котором переводчик должен не только понимать и анализировать оригинал, но и фокусироваться на адресатах в целевой культуре [Stolze 2008: 62].

После того, как текст был понят, можно попытаться сформулировать перевод. На этом этапе многие говорят о творчестве, или креативности. Креативность переводчика, по мнению R. Stolze, – это скорее естественный навык, врожденный талант находить новые сочетания, новые формулировки, основанные на знаниях и отличном владении языком. Здесь переводчик будет творчески производить первую версию перевода. На

втором этапе этой работы он должен пересматривать первый черновик, оценивая формулировки, до тех пор, пока результат не станет приемлемым [там же].

Когда мы спрашиваем, как перейти от исходного текста к переводу, мы можем найти парадигму в концепции симметрии, которая ни в коем случае не является только зеркальным отражением. Такой подход является подходящей парадигмой для процесса перевода. Глобальная симметрия между исходным и целевым текстом является целью переводчика, что необходимо для обеспечения целостности значения в обоих текстах [Stolze 2008: 63].

Однако перевод не должен останавливаться только на представлении исходного текста, поскольку он должен служить потребностям межличностного общения, что подчеркивает важность предполагаемых получателей. В то время как автор концентрируется на формулировании своего сообщения, переводчик должен сосредоточиться на своей посреднической роли и, в результате, ему необходимо адаптировать содержание исходного текста к целевым условиям общения, функциям стиля, а также культурным константам и переменным. Именно поэтому работа переводчика должна быть ориентирована на получателя: так, при переводе рекламных роликов переводчик выступает как поборник интересов потребителей; при переводе технических текстов переводчик – как специалист, потому что перевод профессионального текста не должен быть ненормативным по сравнению с тем языковым материалом, что обычно содержится в подлинных текстах того же типа; в литературе же переводчик пытается реализовать весь потенциал творческого языка [там же].

Таким образом, причины значимости герменевтической переводческой парадигмы в языкознании становятся очевидны: перевод будет адекватным только в том случае, если переводчик реконструирует в своём тексте авторские смыслы оригинала, что невозможно без понимания его цели как художественной идеи, а также знания обеих культур и отличного владения языками.

ЛИТЕРАТУРА

Комиссаров В.Н, Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа. 1999. 253 с.

Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002. 236 с.

Bassnett S. Translation Studies. Psychology Press, 2002. 176 p.

Catford, J.C. A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics. London: Oxford University Press. 1965. 110 p.

Hönig, Hans G. Kostruktives Übersetzen. Tübingen: Niemeyer. 1995.

Schaffner C. Action (Theory of Translational action) // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 1998. Pp.3-5.

Stolze R. The hermeneutic approach in translation // The Hermeneutic approach in translation. Apr 2008. Pp. 57-69.

Stolze R. The Translator's Approach: Introduction to Translational Hermeneutics: Theory and Examples from Practice. Frank & Timme GmbH, 2011. 296 pp.

Vermeer H. Skopos and Commission in Translational Action // The Translation Studies Reader, ed. by Venuti L., London, 2000. Pp. 221-232.